

УШЕЛ ФИДЕЛЬ. ОДИНОКАЯ ГЛЫБА, ВОЗВЫШАВШАЯСЯ НАД УШЕДШИМ НА ЕГО ГЛАЗАХ ДВАДЦАТОМ ВЕКОМ, КАК И НАД ВЕКОМ НЫНЕШНИМ.

28.11.2016

[Владимир Орлов](#)

Перелистываю тома его биографий, автобиографий... Перед глазами - весь политический театр девяти десятилетий. Именно что – без малого век. Расстрел Зиновьева с Каменевым (Фидель поступил в католический колледж). Ялтинская конференция (Фидель получил звание бакалавра). Вступление Мао Цзэдуна в Пекин (месяцем раньше у Фиделя родился первенец – Фиделито Кастро Диас-Баларт)... Олимпиада-80 (полугодом до нее Фидель Кастро женится на Далии Сото дель Валье, учительнице из города Тринидад, с которой поддерживал отношения с 1961 г.; у них пятеро детей. Бракосочетание не получает огласки...)

Кругом - имена из прошлого. Че Гевара – убит. Кеннеди – убит. Хемингуэй – застрелился. Хрущев – свергнут, умер. Хо Ши Мин – умер. Франсуа Миттеран, Пьер Трюдо, Иоанн Павел Второй, Уго Чавес – все те, кому посвящены целые страницы в воспоминаниях Фиделя и к которым он относился с особым уважением как к политикам-мыслителям – умерли, умерли, умерли... Действительно, ушедший век. Фидель как бы продлил этот век своей борьбой... в последнее десятилетие - уже не за революцию, а за свою жизнь. Все, век оборвался.

И плывет "Гранма"... Куда ж ей плыть?

Смерть Фиделя не вызовет шторма. Ушла эпоха. Но палочка первенства была передана Фиделем виртуозно, еще десять лет назад, своему брату. Который, в свою очередь, на последнем съезде партии тоже приступил к выстраиванию механизма передачи власти.

Зря ликует Майами. Некрасиво, да и неуместно. Кубинские кубинцы, научившиеся искусству выживания за десятилетия блокады, - не наивные дурачки, чтобы отдавать свою независимость кому бы то ни было. Они учатся истории. Нашей недавней - в том числе. Они внимательно изучают опыт Вьетнама: вот это им близко. Они кровно заинтересованы в открытии железного занавеса; но не побегут, задрав штаны, за обами... И даже не потому, что у кубинцев собственная гордость, - хотя и это чистая правда. А потому что у них выработалась за эти десятилетия сметливость, - то творческое спокойное хитроумие, которое позволяет им до сих пор и американские кадиллаки сороковых, и советские жигули семидесятых поддерживать на ходу; и надо будет просто потерять разум, чтобы начать раскачивать свою лодку, да - скромную, но не прохудившуюся, где они - а не флоридские перебежчики - пока что остаются реальными хозяевами.

Взаимоотношения между Кубой и СССР, Кубой и Россией были для Фиделя в последние десятилетия, если разобраться, болезненной темой. Рассказывая о своем видении того, как развивался Карибский кризис, говоря уважительно в целом очень корректно о Советском Союзе, о Хрущеве, Фидель все-таки делал свой вывод: Хрущев с нами не посоветовался, проигнорировал Кубу, все договоренности с американцами делались за нашей спиной. Здесь – горечь и обида. Но куда больше горечи и обиды – вполне предсказуемо, - когда он говорит о Горбачеве и о перестройке: «Затей мы перестройку, американцы были бы рады, потому что на самом деле советские люди разрушили самих себя». Даже неожиданно, когда вдруг Фидель как-то рад смягчился, называя Горбачева «человеком с благими намерениями». Такое впечатление, что он просто воздержался от продолжения этой фразы, чтобы не сказать прямо том, куда этими намерениями, по его мнению, был выложен путь.

«...Мы пришли к убеждению, что в случае прямого нападения на нас со стороны Соединенных Штатов советские люди никогда не вступили бы за нас в борьбу. Мы не могли их об этом просить. (...) Мало того, мы напрямую спросили об этом как-то раз советских товарищей за несколько лет до исчезновения СССР: Скажите нам откровенно – вы поможете? – Нет, ответили они. И мы знали, что нам так ответят».

Сегодня, глядя назад в те годы, конец восьмидесятых и начало девяностых годов прошлого века, я по-иному смотрю на роль СССР и России в отношении Кубы, чем мне это виделось тогда. Я считаю достойным сожаления то, как наша страна повела себя в отношении Кубы, отвернувшись от нее. Нам казалось, что у нас свои беды, и нам не до кого. Сегодня за такой внешнеполитический эгоизм – или за близорукость - приходится расплачиваться. И тут я могу полностью понять горечь – иногда сочетаемую с сарказмом - которую испытал Фидель, как и горечь многих простых кубинцев.

И тот факт, что страна, находившаяся в американской блокаде, брошенная своим главным союзником, выстояла в труднейшее для нее прошлое десятилетие, - для меня уже этот факт достоин и уважения, и восхищения.

Фидель, - вот он, истинно матерый человечище, окидывавший в свои последние годы вторую половину прошлого века угасавшим, но все еще зорким взглядом, который вряд ли кто другой из мировых политиков мог себе позволить. И одновременно творил миф - "миф о Фиделе".

Фидель любил рассуждать о власти и о властелинах. Как говорится, иных уж нет, а те далече; и Фидель им оказывался словно судия; как и судия всему двадцатому столетию. Все ушло, а он - до вчерашнего дня - оставался.

Вот он перебирает, одного за другим, американских президентов, от Эйзенхауэра до Буша-младшего. К последнему особенно брезглив: «Бушик». Зато - большая уважительность к Кеннеди (и это несмотря на Карибский кризис) и к Картеру, которого принимал в Гаване. А вот появляется на "фиделевской сцене" другой американский президент - Франклин Делано Рузвельт. Оказывается, будучи мальчишкой, Фидель отправил Рузвельту письмо, написанное по-английски. Вот оно: «Президент Соединенных Штатов... если хотите, дайте мне зеленую американскую банкноту в десять долларов, потому что я никогда не видел зеленой американской банкноты в десять долларов и мне бы хотелось иметь одну. Мой адрес такой: сеньор Фидель Кастро, колледж Скорбей, Сантьяго-де-Куба, Орьенте, Куба. Я не очень-то знаю английский, и предполагаю, что вы не очень знаете испанский, но хорошо знаете английский, потому что вы американец, а я не американец».

Говоря на закате своей жизни "о деньгах", Фидель вспоминал, что его ежемесячная зарплата как кубинского главы государства составляла тридцать долларов. В пересчете с кубинских песо, конечно: хождение доллара на острове он запретил в 2004 году, в том примечательном и традиционно длинном телевизионном интервью, которое мне довелось смотреть в прямой трансляции в Гаване, сидя за телевизором вместе с его сыном.

Двенадцать лет назад собеседник спросил Фиделя: «С высоты Вашего возраста, когда Вы окидываете взглядом всю жизнь... о чем из сделанного Вы сожалеете?». «Дайте подумать, о чем бы я мог пожалеть, в чем бы мог раскаяться...» - начинает Фидель, а дальше следуют продолжительные рассуждения, никак не связанные с раскаяниями. И вдруг Фидель резко обрывает свою тираду: «...Так что я ни о чем не жалею».

Красивый ответ. Краткий.